

F. M. Dostojevskij: Krokodíl

Ivana Kupková, Filozofická fakulta PU, kupkav@unipo.sk

<p>Ф.М. Достоевский Крокодил Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже <i>Справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло.</i></p> <p>Сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине первого пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвеича, образованного друга моего, сослуживца и отчасти отдаленного родственника, пожелала посмотреть крокодила, показываемого за известную плату в Пассаже. Имея уже в кармане свой билет для выезда (не столько по болезни, сколько из любопытности) за границу, а следственно, уже считаясь по службе в отпуску и, стало быть, будучи совершенно в то утро свободен, Иван Матвеич не только не воспрепятствовал непреодолимому желанию своей супруги, но даже сам возгорелся любопытством. "Прекрасная идея, – сказал он вседовольно, – осмотрим крокодила! Собираясь в Европу, не худо познакомиться еще на месте с населяющими ее туземцами", – и с сими словами, приняв под ручку свою супругу, тотчас же отправился с нею в Пассаж. Я же, по обыкновению моему, увязался с ними рядом – в виде домашнего друга. Никогда еще я не видел Ивана Матвеича в более приятном расположении духа, как в то памятное для меня утро, – подлинно, что мы не знаем заранее судьбы своей! Войдя в Пассаж, он немедленно стал восхищаться великолепием здания, а подойдя к магазину, в котором показывалось вновь</p>	<p>F. M. Dostojevskij Krokodíl Neobyčajná udalosť alebo patália v Pasáži <i>Pravdivý príbeh o tom, ako jedného pána istého veku a istého zovňajšku zaživa a kompletne celého prehltol krokodíl v Pasáži, a čo z toho vzišlo</i></p> <p>Toho trinásteho januára aktuálneho šesťdesiateho piateho roku o pol jednej popoludní Jelena Ivanovna, manželka Ivana Matvejiča, môjho vzdelaného priateľa, spolupracovníka a čiastočne vzdialeného príbuzného, prejavila želanie ísť sa pozrieť na krokodíla, ktorého za istý poplatok ukazovali v obchodnom dome Pasáž. Keďže Ivan Matvejič už mal vo vrecku lístok na zahraničnú cestu (ani nie tak pre chorobu, ako skôr z túžby po poznaní), čiže, čo sa zamestnania týka, bol už na dovolenke a teda mal v to dopoludnie úplné voľno, nielenže sa nevzoprel neprekonateľnej túžbe svojej manželky, ale dokonca aj sám zahorel zvedavosťou. „To je vynikajúci nápad,“ povedal spokojne, „pôjdeme si obzrieť krokodíla! Keď sa už chystám do tej Európy, nebude od veci zoznámiť sa ešte tu u nás s domorodcami, ktorí ju obývajú,“ a s týmito slovami sa per pazuch so svojou manželkou ihneď pobral do Pasáže. Ja ako rodinný priateľ som sa ako vždy prikmotril k nim. Nikdy som Ivana Matvejiča nevidel v lepšom psychickom rozpoložení ako v ten pre mňa pamätný deň – svätá pravda, že nikdy nevieme, aký bude náš osud! Len čo sme vošli do Pasáže, Ivan Matvejič sa začal rozplývať nad vznešenosťou budovy, a keď sme podišli k obchodu, v ktorom ukazovali tú príšeru, práve privezenú do hlavného mesta, sám od seba prejavil prianie zaplatiť za mňa krokodiliarovi štvrt' rubľa, čo sa mu nikdy predtým nestalo. Po vstupe do malej</p>
---	---

привезенное в столицу чудовище, сам пожелал заплатить за меня четвертак крокодилщику, чего прежде с ним никогда не случалось. Вступив в небольшую комнату, мы заметили, что в ней кроме крокодила заключаются еще попугаи из иностранной породы какаду и, сверх того, группа обезьян в особом шкафу в углублении. У самого же входа, у левой стены, стоял большой жестяной ящик в виде как бы ванны, накрытый крепкою железною сеткой, а на дне его было на вершок воды. В этой–то мелководной луже сохранялся огромный крокодил, лежавший, как бревно, совершенно без движения и, видимо, лишившийся всех своих способностей от нашего сырого и негостеприимного для иностранцев климата. Сие чудовище ни в ком из нас сначала не возбудило особого любопытства.

– Так это–то крокодил! – сказала Елена Ивановна голосом сожаления и нараспев, – а я думала, что он... какой–нибудь другой!

Вероятнее всего, она думала, что он бриллиантовый. Вышедший к нам немец, хозяин, собственник крокодила, с чрезвычайно гордым видом смотрел на нас.

– Он прав, – шепнул мне Иван Матвейч, – ибо сознает, что он один во всей России показывает теперь крокодила. Это совершенно вздорное замечание я тоже отношу к чрезмерно благодушному настроению, овладевшему Иваном Матвейчем, в других случаях весьма завистливым.

– Мне кажется, ваш крокодил не живой, – проговорила опять Елена Ивановна, пикированная неподатливостью хозяина, и с грациозной улыбкой обращаясь к нему, чтоб преклонить сего грубияна, – маневр, столь свойственный женщинам. – О нет, мадам, – отвечал тот ломаным русским языком и тотчас же, приподняв до половины сетку ящика, стал палочкой тыкать крокодила в голову.

Тогда коварное чудовище, чтоб показать

miestnosti sme si všimli, že sa v nej nachádzajú ešte papagáje cudzokrajného druhu kakadu a okrem toho aj skupina opíc v špeciálnej vitríne vo výklenku. Hneď pri vchode, pri stene vľavo stála veľká plechová debna v podobe akejsi vane zakrytá debnou železnou mriežkou a na jej dne bolo asi na tri prsty vody. V tejto plytkej mláke držali obrovitánskeho krokodíla, ktorý ležal ako klada, celkom nehybne, a od nášho vlhkého a voči cudzincom neprívetivého podnebia očividne stratil všetky svoje schopnosti. Táto príšera spočiatku v nikom z nás nevzbudila mimoriadnu zvedavosť.

– Tak toto je ten krokodíl! – povedala Jelena Ivanovna sklamaným hlasom a spevavo, – a ja som si myslela, že bude... nejaký iný! Podľa všetkého si myslela, že bude briliantový. Podišiel k nám Nemeц, pán, majiteľ krokodíla a mimoriadne pyšne sa na nás pozeral.

– Má na to právo, – zašepkal mi Ivan Matvejevič, – lebo si je vedomý, že on jediný v celom Rusku teraz ukazuje krokodíla.

Aj túto úplne nezmyselnú poznámku pripisujem nadmieru zhovievavému rozpoloženiu, v ktorom sa nachádzal inak nanajvýš závistlivý Ivan Matvejič.

– Zdá sa mi, že váš krokodíl nie je živý, – znovu sa ozvala Jelena Ivanovna, ktorú popudzovala zaťatosť majiteľa krokodíla, pričom to povedala s očarujúcim úsmevom, aby si tohto grobiana získala – manévrom pre ženy takým typickým.

– O, né, madam, – odpovedal Nemeц lámanou ruštinou, okamžite dopoly nadvihol mriežku na debne a začal paličkou štychať krokodíla do hlavy.

V tej chvíli zákerná príšera, aby prejavila známky života, mierne pohla labami a chvostom, nadvihla papuľu a vydala zvuk podobný ťahavému funeniu.

– No, nezlostil, Karlchen! – nežne povedal Nemeц, ktorého samolúbosti bolo učinené zadosť.

– Aký je ten krokodíl odporný! Až som sa zľakla, – ešte koketnejšie zabľabotala Jelena Ivanovna, – teraz sa mi s ním bude snívať.

– Ale v sne vas neukusne, madam, – galantne nadviazal Nemeц a prvý sa zasmial na

свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостом, приподняло рыло и испустило нечто подобное продолжительному сопению.

– Ну, не сердись, Карльхен! – ласкательно сказал немец, удовлетворенный в своем самолюбии.

– Какой противный этот крокодил! Я даже испугалась, – еще кокетливее пролепетала Елена Ивановна, – теперь он мне будет сниться во сне.

– Но он вас не укусит во сне, мадам, – галантерейно подхватил немец и прежде всех засмеялся остроумию слов своих, но никто из нас не отвечал ему.

– Пойдемте, Семен Семеныч, – продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мне, – посмотримте лучше обезьян. Я ужасно люблю обезьян; из них такие душки... а крокодил ужасен.

– О, не бойся, друг мой, – прокричал нам вслед Иван Матвейч, приятно храбрясь перед своею супругою. – Этот сонливый обитатель фараонова царства ничего нам не сделает, – и остался у ящика. Мало того, взяв свою перчатку, он начал щекотать ею нос крокодила, желая, как признался он после, заставить его вновь сопеть. Хозяин же последовал за Еленой Ивановной, как за дамою, к шкафу с обезьянами.

Таким образом, все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидеть. Елена Ивановна даже до резвости развлекалась обезьянами и, казалось, вся отдалась им. Она вскрикивала от удовольствия, непрерывно обращаясь ко мне, как будто не желая и внимания обращать на хозяина, и хохотала от замечаемого ею сходства сих мартышек с ее короткими знакомыми и друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомненное. Немец-собственник не знал, смеяться ему или нет, и потому под конец совсем нахмурился. И вот в это-то самое мгновение вдруг страшный, могу даже сказать, неестественный крик потряс комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледенел на месте; но, замечая,

svojich vtipných slovách, no nikto z nás sa k nemu nepridal.

– Pod’te, Semion Semionýč, – obrátila sa Jelena Ivanovna výslovne ku mne, – pozrieme sa radšej na opice. Mám strašne rada opice; sú také zlatučké... ale ten krokodíl je hrozný.

– Och, neboj sa, moja milá, – zvolal za nami Ivan Matvejič, sympaticky sa vyťahujúci pred svojou manželkou. – Tento ospalý obyvateľ faraónovho kráľovstva nám nič neurobí, – a zostal pri debne. Ba čo viac, začal rukavicou štekliť krokodílovi nos, lebo ho chcel, ako sa potom priznal, prinútiť, aby opäť začal funieť. Majiteľ krokodíla Jelenu Ivanovnu ako správnu dámu nasledoval k vitríne s opicami.

Všetko teda prebiehalo skvele a dopredu sme o ničom nemohli mať tušenia. Jelena Ivanovna sa pri tých opiciach celkom rozkokošila a zdalo sa, že si ju celkom získali. Výskala od radosti, neprestajne sa obracala ku mne, akoby majiteľ a krokodíla nechcela ani vidieť, a hlasno sa smiala, keď našla podobnosť medzi tými opičkami a svojimi blízkymi známymi a priateľmi. Aj ja som sa rozveselil, lebo tá podobnosť bola neodškriepiteľná. Nemeц súkromník nevedel, či sa má smiať alebo nie, a preto sa nakoniec celkom zamračil. A presne tom okamihu miestnosťou otriasol strašný, ba môžem povedať, až neprirodzený výkrik. Nevedel som, čo si mám o tom myslieť, a tak som najprv zmeravel na mieste; ale keď som si všimol, že kričí už aj Jelena Ivanovna, rýchlo som sa obrátil a – čo som to uvidel! Uvidel som – ó, Bože! –, uvidel som v strašných krokodíľích čel’ustiach nešťastného Ivana Matvejiča, zacvaknutého krížom cez driek, už dvihnutého v horizontálnej polohe do vzduchu a zúfalo v tom vzduchu hompáľajúceho nohami. Potom okamih – a už ho nebolo. Ale opíšem to všetko podrobne, keďže som celý čas stál nehybne a stihol som pohľadom zachytiť celý proces odohrávajúci sa predо mnou tak pozorne a so záujmom, že si niečo také ani nepamätám. „Veď,“ pomyslel som si v tej osudovej chvíli, „čo keby sa to nestalo Ivanovi Matvejičovi, ale mne – potom by to bola

что кричит уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и – что же увидел я! Я увидел, – о боже! – я увидел несчастного Ивана Матвеича в ужасных челюстях крокодиловых, перехваченного ими поперек туловища, уже поднятого горизонтально на воздух и отчаянно болтавшего в нем ногами. Затем миг – и его не стало. Но опишу в подробности, потому что я все время стоял неподвижно и успел разглядеть весь происходивший передо мной процесс с таким вниманием и любопытством, какого даже и не запомню. "Ибо, – думал я в ту роковую минуту, – что, если б вместо Ивана Матвеича случилось все это со мной, – какова была бы тогда мне неприятность!" Но к делу. Крокодил начал с того, что, повернув бедного Ивана Матвеича в своих ужасных челюстях к себе ногами, сперва проглотил самые ноги; потом, отрыгнув немного Ивана Матвеича, старавшегося выскочить и цеплявшегося руками за ящик, вновь втянул его в себя уже выше поясицы. Потом, отрыгнув еще, глотнул еще и еще раз. Таким образом Иван Матвеич видимо исчезал в глазах наших. Наконец, глотнув окончательно, крокодил вобрал в себя всего моего образованного друга и на этот раз уже без остатка. На поверхности крокодила можно было заметить, как проходил по его внутренности Иван Матвеич со всеми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, как вдруг судьба еще раз захотела вероломно подшутить над нами: крокодил понатужился, вероятно давясь от огромности проглоченного им предмета, снова раскрыл всю ужасную пасть свою, и из нее, в виде последней отрыжки, вдруг на одну секунду выскочила голова Ивана Матвеича, с отчаянным выражением в лице, причем очки его мгновенно свалились с его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтоб еще раз бросить последний взгляд на все предметы и мысленно проститься со

nepríjemnosť pre mňa!“ Ale poďme k veci. Krokodíl začal tým, že obrátil chudáka Ivana Matvejiča vo svojich hrozných čelustiach nohami k sebe a najprv mu zhltol tie nohy; potom Ivana Matvejiča, ktorý sa pokúšal vyskočiť von a rukami sa chcel zachytiť debny, trochu vyrgol a znova ho vtiahol do seba, teraz už vyše pása. Potom ho ešte raz trochu vyrgol, zasa ho vtiahol, a potom ešte raz. Takto nám Ivan Matvejič viditeľne mizol z dohľadu. Nakoniec krokodíl posledný raz prehltol a pojal do seba celého môjho vzdelaného priateľa, tentoraz už bezo zvyšku. Na povrchu krokodíla bolo vidieť, ako cez jeho vnútornosti prechádza Ivan Matvejič so všetkými svojimi tvarmi. Už som sa chystal opäť začať kričať, keď sa zrazu osudu zachcelo ešte raz si s nami zradne zažartovať: krokodíla naplo, lebo sa očividne dusil od obrovských rozmerov prehltnutého predmetu, opäť otvoril svoju hroznú tlamu a z nej v podobe posledného odgrgntia zrazu na sekundu vyskočila hlava Ivana Matvejiča so zúfalým výrazom na tvári, pričom mu okamžite na dno debny z nosa zleteli okuliare. Zdalo sa, že táto zúfala hlava vyskočila von len preto, aby ešte raz a naposledy prebehla pohľadom všetky predmety a v duchu sa rozlúčila so všetkými svetskými radosťami. Ale tento zámer jej nevyšiel: krokodíl sa znova vzchopil, prehltol – a hlava v mihu opäť zmizla, tentoraz už naveky. Toto objavenie a zmiznutie ešte živej ľudskej hlavy bolo také hrozné, ale zároveň – či už od toho, ako rýchlo a nečakane sa to udialo, alebo preto, že spadli tie okuliare – v ňom bolo aj čosi také smiešne, že som zrazu celkom nečakane vyprskol; zbadal som sa však – ved' smiať sa v takejto chvíli sa na rodinného priateľa nepatrí –, hneď som sa obrátil k Jelene Ivanovne a so súcitným výrazom na tvári som jej povedal:
– Už je s naším Ivanom Matvejičom amen!

In F. M. Dostojevskij: *Z Denníka spisovateľa*. Bratislava: Európa, 2009.

Preložila Ivana Kupková

© Ivana Kupková

© Vydavateľstvo Európa

всеми светскими удовольствиями. Но она не успела в своем намерении: крокодил вновь собрался с силами, глотнул – и вмиг она снова исчезла, в этот раз уже навеки. Это появление и исчезновение еще живой человеческой головы было так ужасно, но вместе с тем – от быстроты ли и неожиданности действия или вследствие падения с носу очков – заключало в себе что-то до того смешное, что я вдруг и совсем неожиданно фыркнул; но, спохватившись, что смеяться в такую минуту мне в качестве домашнего друга неприлично, обратился тотчас же к Елене Ивановне и с симпатическим видом сказал ей:
– Теперь капут нашему Ивану Матвеичу!

Ип: Ф. М Достоевский: Полное собрание сочинений В 30-ти тт. Том пятый. Повести и рассказы 1862 – 1866. Ленинград: Наука, 1973.